

Научная статья
УДК 811.111-26
doi: 10.17223/19986645/75/6

Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре

Александра Викторовна Нагорная

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru*

Аннотация. На материале автобиографической прозы рассматриваются особенности метафорического осмысления опыта алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре. Определяется роль преднамеренных метафор и описываются механизмы их конструирования; обсуждается фреймирующая функция дискурсивных метафор и анализируются наиболее релевантные из них; выявляются метафоры, циркулирующие в нарративах алкоголизма, устанавливается степень их популярности и моделируется метафорический ландшафт алкогольной аддикции.

Ключевые слова: дискурсы алкогольной аддикции, drankalog, метафора, метафорический ландшафт, преднамеренная метафора, дискурсивная метафора, английский язык

Для цитирования: Нагорная А.В. Метафорический ландшафт алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 75. С. 120–147. doi: 10.17223/19986645/75/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/75/6

Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture

Alexandra V. Nagornaya

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
anagornaya@hse.ru*

Abstract. The paper presents a systemic linguistic analysis of the subjective experience of alcohol addiction looking into the ways it is metaphorically described in English *drunkalogs* – personal memoirs of drinking and recovery. The research is carried out within the general paradigm of Conceptual Metaphor Theory. Of particular relevance are three main approaches. One is the Deliberate Metaphor Theory (G. Steen), which focuses on the mechanisms of metaphor construction when a new

source domain is being consciously introduced into a piece of discourse. The deliberate character of the metaphor is seen in the degree of detail with which the different aspects of the source domain are explicated, in the presence of special markers (*analogy / the way / similar to, etc.*) and extended metalinguistic comments (*to use a metaphor / it requires an analogy / how about a mixed metaphor?, etc.*), as well as in the structure of the context, where the addressee is being carefully prepared for the new metaphoric vision of the subject before the metaphor is finalized. The relevance of deliberate metaphors in discourses under study is accounted for by the highly idiosyncratic character of alcohol addiction, which necessitates original metaphorical mappings in order to convey the individual nuances of this experience. Another approach is the Discourse Metaphor Theory (J. Zinken), which focuses on the framing potential of metaphors deliberately introduced into discourse and negotiated within it. Metaphor becomes an efficient mechanism of discursive construal imposing a certain vision of the subject and regulating ways of describing it. Chief among the discourse metaphors of alcohol addiction is ADDICTION IS A DISEASE, which has replaced the earlier metaphor ADDICTION IS A SIN, morally legitimizing alcoholism and invalidating the idea of personal responsibility. The paper describes the phenomenon of metaphoric clustering: once alcoholism was classified as a disease, its discursive space was opened to all kinds of metaphors commonly used as means of conceptualizing the latter, including the dominant military metaphor. An alternative discourse metaphor is ADDICTION IS A JOURNEY, which is actively promoted by Alcoholics Anonymous and other sobriety activists. Both metaphors serve as active framing devices stabilizing the discourses of addiction and regulating metaphorical creativity within the discourse community. Most importantly, we use the Metaphoric Landscape Theory (J. Lawley, P. Tompkins) which enables us to systematically analyze addiction as a type of subjective experience in all its possible symbolic representations, considering both common (conventional) and idiosyncratic (creative) metaphors, and reveal general conceptual and discursive trends. The research is based on 25 drunkalogs, with the sample containing 498 units, 88 of which are analyzed in the paper. Among the groups of metaphors are ADDICTION IS PARTNERSHIP, ADDICTION IS A TRAP, ADDICTION IS INCARCERATION, ADDICTION IS MOVEMENT and others, all of them represented with a variety of verbal variants. Among idiosyncratic metaphors are ADDICTION IS PART OF THE BODY, ADDICTION IS A WEAPON, ADDICTION IS A PLANT and others.

Keywords: discourses of alcohol addiction, drunkalog, metaphor, metaphoric landscape, deliberate metaphor, discourse metaphor, English language

For citation: Nagornaya, A.V. (2022) Metaphoric landscape of alcohol addiction in contemporary English-speaking culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 75. pp. 120–147. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/75/6

Алкогольная аддикция представляет собой чрезвычайно сложное явление, в котором тесно переплетены биолого-физиологические, индивидуально-психологические и социокультурные факторы. Эта многоаспектность позволяет подходить к ее изучению с принципиально разных позиций, выявляя как объективные механизмы ее возникновения, так и связанные с ней субъективные переживания.

Весомый вклад в исследование субъективной составляющей алкогольного опыта может внести современная метафорология, релевантность которой в этом исследовательском поле обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, дискурсы алкогольной аддикции буквально пронизаны метафорами. С одной стороны, метафора служит эффективным механизмом осмысления и описания собственного аддиктивного опыта, позволяя «упаковать» сложные идиосинкретические переживания в относительно простые концептуальные формы и донести их до потенциального слушателя. Заметим, что процесс проговаривания собственных ощущений составляет основу терапевтического лечения алкогольной аддикции в рамках известной программы «Анонимные алкоголики». Следуя общему шаблону «каким я был, что со мной произошло и каков я сейчас» [1. Р. XXI], человек входит в формат «катартического нарратива» [2. Р. XIV], буквально выстраивая себя заново посредством конструируемого им монолога, «разговором выводя себя из саморазрушающего пристрастия к новой идентичности» [2. Р. 3]. Как метко замечает Ш. О'Хэллоран, этот нарратив подобен двуликому римскому богу Янусу: он одновременно направлен и внутрь и вовне, действуя на границе между индивидуальным и общественным. «Именно через разговор мы проецируем образы себя внутрь, самим себе, и вовне, окружающему нас миру» [2. Р. 3]. Выбор слова «образ» (*image*) не случаен и отражает самую суть этого типа рефлексии: перед человеком не ставится задача объективной оценки ситуации, он предлагает собственную интерпретацию происходящего с ним и волен выбирать наиболее соответствующие своим переживаниям концептуальные и языковые средства. Сложный характер этих переживаний и желание придать им удопонятную форму вынуждают рассказчика прибегать к разнообразным аналогиям, метафорам и сравнениям.

С другой стороны, метафора активно используется психотерапевтами при работе с лицами, страдающими алкогольной зависимостью [3. Р. 9]. Описывая преимущества метафорического, или аллегорического, метода, Дж. Сандоз отмечает, что он помогает более эффективно общаться с пациентами, а самим пациентам и их семьям глубже понимать тонкую и сложную динамику проблемы. Метод помогает избегать чрезмерной интеллектуализации и позволяет применять визуальные и аффективные инструменты, с помощью которых достигается «трехмерность» в объяснении природы аддикции. Кроме того, динамика этого состояния описывается в таком нарративном формате, который является забавным и способен привлечь внимание пациента и пробудить его воображение [1. Р. XV].

Системный анализ метафор, циркулирующих в дискурсах алкогольной аддикции, позволит моделировать субъективную структуру этого опыта и послужит определенным вкладом в развитие самой метафорологии, заполнив одну из существующих тематических лакун.

Во-вторых, современная метафорология располагает необходимым методологическим и методическим инструментарием для исследования феномена алкогольной аддикции с целью моделирования связанных с ней психических процессов. Общий базис для научных изысканий в данной области составляет теория концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Гиббс, З. Кёвечеш, В. Эванс и др.), позволяющая «видеть»

в словесных репрезентациях познавательные процессы, которые необходимы человеку для осмысления того или иного явления – в данном случае это фрагмент собственного субъективного опыта.

В рамках этого общего методологического подхода можно выделить несколько концепций и теорий, которые обладают наибольшим эвристическим потенциалом для настоящего исследования.

К их числу относится *теория преднамеренной метафоры*, разрабатываемая Х. Стейном и его коллегами в Амстердамском университете. Преднамеренная метафора (*deliberate metaphor*) определяется как «сознательное использование метафоры в качестве метафоры» [4. Р. 67]. Ее функция заключается в том, чтобы добиться от адресата необходимого концептуального видения обсуждаемого предмета посредством сознательной фокусировки на области источника. Регулирование фокуса внимания адресата обеспечивается некоторыми особенностями структуры преднамеренной метафоры. Так, для нее свойственна подробная экспликация домена источника, часто предшествующая самой метафорической проекции. Ср.:

(1) *Trying to describe the process of becoming an alcoholic is like trying to describe air. It's too big and mysterious and pervasive to be defined. Alcohol is everywhere in your life, omnipresent, and you're both aware and unaware of it almost all the time; all you know is you'd die without it, and there is no simple reason why this happens, no single moment, no physiological event that pushes a heavy drinker across a concrete line into alcoholism* (С. Knapp¹).

Кроме того, могут использоваться особые металингвистические пометы, эксплицитно описывающие лингвокогнитивный статус предлагаемого выражения (*to use a metaphor; how about a metaphor?; if we compare..., etc.*). Ср.:

(2) *If you sip from the straw of support, taking small sips here and there, instead of loading on big gulps (how's that for mixing metaphors)* (В. Robertson).

Принципиальную важность для нас имеет то обстоятельство, что преднамеренная метафора трактуется как коммуникативный прием. По утверждению Х. Стейна, она является специфическим средством общения между носителями языка и реализует коммуникативное измерение метафоры [4. Р. 67]. Она подчеркнута интерактивна и приглашает собеседника к продуцированию ответных реплик типа «Почему вы использовали эту метафору?» или «Это удачный образ». Это свойство приобретает особую значимость в дискурсах алкогольной аддикции, значительную часть которых составляют исповедальные, катартические нарративы, конструируемые осознанно в попытке понять природу собственного переживания, донести ее до собеседника и получить интеллектуальный и эмоциональный отклик.

Значительную ценность представляет для нас и *теория дискурсивной метафоры*, разрабатываемая Й. Зинкеном. Он определяет дискурсивную метафору как «вербальное выражение, содержащее некоторую конструк-

¹ В тексте статьи указано лишь авторство drankалогов, их названия и выходные данные представлены в Списке источников примеров. Все цитируемые drankалогии доступны в электронной Kindle версии на сайте <https://www.amazon.com/>

цию, которая вызывает заранее согласованную (*negotiated*) в дискурсивном сообществе аналогию» [5]. Особое значение имеет здесь требование «согласования», которое выводит нас в плоскость дискурсивного конструирования. Метафорические обозначения того или иного явления не возникают спонтанно; они тщательно выстраиваются, выражая «нужные» (часто идеологически нагруженные) смыслы, и способны вызывать концептуальную перестройку соответствующего фрагмента общего дискурсивного пространства. Новая метафора может оказаться многозначной и допускать несколько, порой противоположных, интерпретаций [6], поэтому ее появление сопровождается периодом согласования, в ходе которого участники дискурсивного процесса заключают своего рода «концептуальный пакт» относительно ее значения [7]. Это согласование представляет собой сложный, нелинейный процесс, включающий многократное повторение метафоры, ее переформулирование, отвержение, повторное принятие и окончательную семантическую стабилизацию. Чрезвычайно важно то, что, обретя смысловую стабильность и укоренившись в коллективном когнитивном пространстве, дискурсивная метафора начинает выполнять «функцию ключевого средства фрейминга в рамках определенного дискурса в течение определенного периода» [8], задавая общий концептуальный формат для осмысления и вербализации некоторого круга явлений.

Следует отметить, что дискурсивное пространство алкогольной аддикции всегда было и остается концептуально подвижным и неустойчивым образованием, полем для разнообразных идеологических манипуляций. Часть из них может быть описана через систему смысловых оппозиций, представленных в работе Дж.Р. Гасфилда «Оспариваемые значения: Конструирование проблемы алкоголизма» [9. Р. 20–39]:

– **troubled person** (*человек с проблемой*) vs **troublesome person** (*проблемный человек*). Речь здесь идет о том, как следует воспринимать алкоголика: как лицо, нуждающееся в помощи и требующее человеческого участия, или же как источник проблем для общества.

– **abusive substance** (*вызывающее зависимость вещество*) vs **substance abuse** (*злоупотребление веществом*). В первом случае в качестве источника проблемы предстает сам алкоголь (его свойства и его повсеместная доступность как товара); во втором случае вина возлагается на человека, который неумеренно потребляет в целом безобидный продукт.

– **problematic drinker** (*проблемный потребитель алкогольной продукции*) vs **problematic drinking** (*проблемное потребление алкогольных напитков*). В данном случае алкоголизм предстает либо как индивидуальная, либо как социальная проблема.

– **drinking problems** vs **drinking problems**. В первом случае предлагается сфокусироваться на решении тех специфических проблем, которые связаны с неумеренным потреблением алкоголя (например, разработка специальных устройств, повышающих безопасность вождения либо блокирующих возможность управления транспортным средством в нетрезвом состо-

янии). Во втором же случае усилия должны быть направлены на борьбу с потреблением алкоголя вообще.

Однако главное, центральное противопоставление выглядит куда менее казуистически и обладает гораздо большим метафорическим потенциалом: **sinful** (*грешный*) vs **sick** (*больной*).

На протяжении длительного времени в англоязычной культуре пьянство признавалось грехом, моральным падением, первопричиной многочисленных проблем: преступности, обнищания, безумия, разводов и многих других. При таком подходе пьяница однозначно подвергался общественному осуждению, а пьянство превращалось в социальную стигму (см., например: [10]). Однако в середине XX в. дискурсы алкоголизма подверглись глобальной перестройке под воздействием активно продвигаемой концепции алкогольной аддикции как болезни. Эта идея была впервые сформулирована Е.М. Еллинеком в 1960 г. [11] и популяризовалась благодаря деятельности общества «Анонимные алкоголики» и Йельского центра исследования алкоголизма.

Как подчеркивают многие исследователи, за этой идеей не стояло никакое серьезное научное открытие биологического или физиологического плана. Это «социальное достижение» совершенно иного типа, которое свершилось благодаря усилиям определенных акторов посредством масштабной дискурсивной интервенции. Как отмечает историк медицины Ш. Розенберг, «болезнь не существует до тех пор, пока мы не договариваемся о том, что она есть, воспринимая и фреймируя ее, а также реагируя на нее как на таковую». Определяя нечто как «болезнь», мы используем часть «поколенчески специфичного репертуара вербальных конструкторов», в которых отражается «интеллектуальная и институциональная история медицины» [12. Р. 1–2]. В данном случае, однако, эта терминологическая инновация отражает и определенные сдвиги в общественном сознании, способствуя их дальнейшему закреплению.

Единодушно признавая «нозологическую» концепцию алкоголизма дискурсивным конструктором, специалисты в области медицинской антропологии квалифицируют «болезнь» как метафору, мотивируя такую позицию отсутствием соматического базиса (см., например: [10, 13]). «Концептуальный пакт», заключенный членами дискурсивного сообщества, состоит из ледующих пунктов: 1) алкоголизм «морально легитимен» [10]; он более не считается постыдным состоянием и не связывается с идеей грехопадения; 2) алкогольная аддикция признается патологическим состоянием, не подконтрольным человеку, а следовательно, не находящимся в зоне его ответственности [14. Р. 367]; 3) алкоголик нуждается в профессиональном лечении и реабилитации; 4) алкоголик достоин сочувственного отношения, подобно любому другому больному.

АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ, которая стала ключевой дискурсивной метафорой алкоголизма в современной англоязычной культуре, сняв полемическую остроту перечисленных выше оппозиций и отчасти стабилизировав соответствующее дискурсивное пространство.

Наличие ключевой дискурсивной метафоры отнюдь не исключает возможности существования других метафор в пределах дискурсивного пространства алкогольной аддикции, задавая лишь общую концептуальную рамку. Сама природа этого опыта, его несводимость к единому стандарту способствует принципиальной множественности метафорических трактовок, каждая из которых обладает объяснительной силой и коммуникативным потенциалом. Именно поэтому важной методологической составляющей нашего исследования является *концепция метафорического ландшафта*, предложенная Дж. Лоули и П. Томпкинс в рамках их авторского психотерапевтического метода символического моделирования [15].

Метод символического моделирования в оригинальной его трактовке используется для изучения структуры субъективного опыта на основе так называемых аутогенных, т.е. порождаемых самим клиентом, метафор. В ходе сессии специалист-терапевт задает серию вопросов, поощряющих клиента к использованию тех образов, которые наилучшим образом отражают его внутренние переживания. Важным условием является использование терапевтом так называемого «чистого языка», свободного от каких бы то ни было образно-метафорических компонентов во избежание эффекта семантического прайминга. Метафоры, которыми оперирует клиент, могут иметь совершенно разный концептуальный генез, по-разному коррелировать друг с другом и образовывать любые комбинации. Терапевт лишь направляет метафорическую креативность клиента, помогая ему найти выход из реальной жизненной проблемы в условном символическом мире продуцируемых им форм. Совокупность этих форм образует уникальный метафорический ландшафт – «четырехмерный психоактивный мир, который возникает внутри клиента и вокруг него» [16]. Метафорический ландшафт представляет собой подвижное, развивающееся, постоянно эволюционирующее образование: внутри него метафоры могут менять свое положение, набирая либо теряя концептуальный вес и, соответственно, перемещаясь в центр или на периферию; одни метафоры могут вытесняться другими; может производиться разворачивание определенных, наиболее продуктивных метафорических сценариев и сворачивание других и т.д. Выстраивая собственный метафорический ландшафт, человек меняет свое видение ситуации, отношение к ней и собственные поведенческие паттерны. По наблюдениям авторов метода, он помогает как в решении бытовых проблем, так и в разрешении сущностных экзистенциальных кризисов, к числу которых относятся поиск смысла жизни, внутренние конфликты, самоидентификация, определение духовных приоритетов и т.д. Заметим, что именно этот круг проблем составляет суть экзистенциальных исканий людей, стремящихся избавиться от алкогольной зависимости.

Несмотря на то, что концепция метафорического ландшафта первоначально разрабатывалась для моделирования индивидуального субъективного опыта, она может быть с успехом применена и при описании более крупных фрагментов психической реальности, в том числе и коллективно-когнитивного пространства. Ее основное преимущество заключается в

том, что она позволяет не ограничиваться анализом одной метафоры в дискурсе определенного тематического типа, а описывать тот или иной фрагмент субъективной реальности комплексно, во всей совокупности его возможных символических прочтений, учитывая как привычные, конвенциональные метафоры, так и индивидуальные способы метафорического осмысления того или иного явления и общие концептуально-дискурсивные тренды.

Материалом нашего исследования послужил специфический тип мемуарной прозы, для которого в английском языке существует компактное и семантически ёмкое название – *drunkalog*. Это автобиографическое описание опыта алкогольной аддикции и излечения от нее, автором которого может выступать как человек, профессионально работающий со словом (писатель, журналист), так и рядовой обыватель.

Дранкалог представляется весьма перспективным объектом исследования при изучении метафорического ландшафта алкогольной аддикции. Это повествование от первого лица, приближенное к устному монологу (но отнюдь не идентичное ему) и обладающее свойством реалистичности. Дранкалог отражает частный опыт переживания алкогольной аддикции, структурируя его и превращая из «истории, представляющей лишь частный интерес, в нечто значимое для незаинтересованного читателя» [17]. Он обладает некоторой эстетической ценностью, заполняя «серую зону» между романом и документальной прозой. Он удобен для анализа, поскольку является готовым текстовым продуктом, представленным в достаточном количестве и в относительно свободном доступе. Так, по некоторым подсчетам, электронный сервис *Amazon* предлагает 489 дранкалогов [18]. Настоящее исследование проведено на материале 25 из них, и корпус метафор набирался методом сплошной выборки. В корпусе текстов метафоры распределены неравномерно, отражая индивидуальные особенности концептуализации опыта алкогольной аддикции, и некоторые из прочитанных дранкалогов не представлены в выборке, поскольку они не содержат искомого материала. Общее количество пригодных для анализа контекстов составило 498 единиц, 88 из которых проанализированы в статье.

На основе анализа материала можно выделить ряд общих тенденций в конструировании метафорического ландшафта алкогольной аддикции в современной англоязычной культуре.

Одна из них заключается в востребованности структур, соответствующих определению «преднамеренная метафора». В полной мере осознавая сложность передаваемых смыслов, авторы могут прибегать к пространной аналогии, эксплицитно маркируя ее как таковую. Так, в примере (3) автор предлагает развернутый сценарий, персонифицируя алкоголь и репрезентируя его как партнера по романтическим отношениям. Формирование зависимости предстает как период влюбленности, первая романтическая фаза длительного союза. Интересна структурная динамика контекста: предваряющий описание металингвистический комментарий (*analogy*) подготавливает читателя к переходу в пространство образов; сам же пере-

ход маркируется аппроксимирующим сравнением (*like falling in love*) (об аппроксимирующем сравнении см.: [19]), выстраивающим проекцию между двумя экспериенциальными областями (романтические отношения и алкоголизм). Установив эту концептуальную связь, автор изымает маркер сравнения из описания, переходя к собственно метафорическому формату.

(3) *Trying to explain alcoholism to someone unaffected requires analogies. A relatable scenario. Alcohol is like falling in love. The romance phase. When you think about her all day. Can't wait to see her. Taste her. You love the way she makes you feel when you're with her. Powerful. Creative. Handsome. And miss her when you wake up. She's gone. Until the coast is clear again* (T. Collins).

Эксплицитно маркированная аналогия представлена и в примере (4), где образно описываются изменения, происходящие с человеком, который страдает алкогольной зависимостью. Этот процесс репрезентируется как превращение свежего огурца в соленый, причем внимание адресата фокусируется не на качественных характеристиках этого процесса, а на его односторонности и необратимости:

(4) *A lot of alcoholics use the cucumber-to-pickle analogy to describe that phenomenon: a true alcoholic is someone who's turned from a cucumber into a pickle; you can try to stop a cucumber from turning into a pickle, but there's no way you can turn a pickle back into a cucumber* (C. Knapp).

Особый интерес представляют преднамеренные метафоры, снабженные развернутым металингвистическим комментарием. Его наличие говорит об осознанности выстраиваемой проекции, а содержание часто свидетельствует о развитой метафорической компетенции [20]. Так, в примере (5) автор не только маркирует используемую метафору, относя ее к разряду тропов, но и характеризует как «уставшую», утратившую образную силу и риторическую мощь:

(5) *I was wary of trotting out the tired tropes of the addictive spiral, and wary of the tedious architecture and tawdry self-congratulation of a redemption story* (L. Jamison).

В примере (6) автор предлагает собственную развернутую метафору и сопровождает ее критическим комментарием, оправдывая ее наличие в собственном репертуаре лингвокогнитивных средств особыми юмористическими свойствами:

(6) *If there was a Bermuda Triangle for alcoholics and addicts, my ship was heading for disaster (I know that's a horrible metaphor, but it makes me laugh, so I'm leaving it in)* (D. Foster).

Тот же автор усиливает метафору иронией, предлагая заведомо грубый, вульгарный образ и называя его «тонкой метафорой»:

(7) *Our ego is our worst enemy. We think we have all the answers until one day we realize that our lives have turned into a cesspool, and we're drowning in our own shit (how's that for a subtle metaphor?)* (D. Foster).

Разумеется, не все содержащиеся в текстах метафоры имеют столь выраженный «преднамеренное» оформление, однако само наличие подобных образований свидетельствует о высокой степени осознанности в употреб-

лении лингвоконцептуальных ресурсов, о понимании функции и роли метафор в нарративах алкогольной аддикции.

Перейдем к рассмотрению дискурсивных метафор, концептуально формирующих дискурсы алкогольной аддикции. Как было показано выше, важнейшей здесь оказывается метафора болезни. Собственно, само становление жанра «дранкалог» во многом обусловлено укоренением этой метафоры, морально легитимирующей алкогольную зависимость.

Авторы дранкалогов разнообразно и порой весьма креативно обыгрывают эту метафору. Так, К. Нэпп избирает этимологический путь, напоминая нам об изначальном смысле слова *disease* (dis-ease, отсутствие покоя, комфорта) и провозглашая алкоголизм болезнью в самом явном, чистом ее виде:

(8) *Seen in this light, alcoholism may be a disease in the purest sense: a physiological state producing a sense of overwhelming dis-ease* (C. Knapp).

В ряде случаев этой болезни приписываются определенные свойства, уточняется ее природа и симптоматика. Ср.:

(9) *Alcoholism, after all, is a progressive illness* (C. Knapp) / *But I've learned this is a progressive disease* (T. Collins).

(10) *Alcoholism is a disease of relapse <...>* (C. Knapp).

(11) *A woman I know named Liz calls alcoholism "the disease of more," a reference to the greediness so many of us tend to feel around liquor, the grabbiness, the sense of impending deprivation and the certainty that we'll never have enough* (C. Knapp).

Примечательно, что многие называют алкоголизм «болезнью равных возможностей», которая, вопреки распространенному заблуждению, распространена среди представителей разных социальных слоев общества:

(12) *One thing that is certain about addiction; it doesn't discriminate across race, gender, class, or social status. It's an equal-opportunity disease that welcomes everyone into its home. Everyone is invited* (D. Foster).

Примечательно, что в попытке оправдать алкоголизм, придать ему статус соматической проблемы, возникновение и развитие которой неподконтрольно человеку, его часто эксплицитно сравнивают с раком. Выбор онкологического заболевания, очевидно, обусловлен ее общепризнанной тяжестью, длительностью лечения, исход которого непредсказуем, высокой летальностью. Ср.:

(13) *It's like with cancer," she says. "People don't say, 'Stop having cancer!' My mental illness is a disease. Your alcoholism is a disease. It doesn't define who we are as people." Her voice rises in intensity. "We can't stop. We need help. It's like that with you."* (T. Collins).

(14) *Alcoholism will ruin your life and kill you as surely as a raging cancer if it is not properly treated and contained* (G. McGovern).

Особого внимания заслуживает пример (13), в котором очень четко сформулировано главное концептуальное преимущество метафоры АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО БОЛЕЗНЬ: она не затрагивает сущностной природы человека, не стигматизирует его как личность, будучи всего лишь атрибутом, внешним, преходящим признаком. Такое видение

закреплено и в современной дискурсивной тенденции избегать употребления слова *alcoholic*, заменяя его словосочетанием *a person with alcoholism / alcohol addiction* (см.: [21. С. 208]). Заметим, что терапевтический эффект «Анонимных алкоголиков» во многом строится именно на развенчании этого представления, поскольку человека принуждают отказаться от всех новомодных дискурсивных конструкций, напрямую объявив себя алкоголиком: *Hello, I am X and I am an alcoholic*.

Та же идея неподконтрольности прослеживается и в сравнении алкоголизма с аллергической реакцией, хотя автор и признает, что эта реакция имеет несколько иную природу:

(15) *An alcoholic's allergy is internal. Psychological. An abusive communication between the body and the brain you will never see or hear. But it is just as real as your peanut allergy friend twitching in the corner* (T. Collins).

Алкоголизм сравнивают и с безумием, приближаясь к более научно состоятельному его пониманию как болезни психического свойства:

(16) *What I could never accept, from the very beginning, was that there is an irrational, collective insanity that is alcoholism* (W. Porter).

(17) *But I left the clinic with the notion that alcohol was an escalating madness* (S. Nepola).

Подобные примеры многочисленны и не представляют особого исследовательского интереса вследствие изрядной «заезженности» метафоры болезни. Есть, однако, одно заслуживающее внимания явление, которое мы предлагаем условно назвать *эффектом метафорического кластеринга*. Представляя алкоголизм как болезнь, мы открываем его дискурсивное пространство для тех метафор, которые традиционно служат средством ее осмысления. Наиболее ярким примером здесь может послужить военная метафора, которая уже более ста лет пронизывает все англоязычные курсы болезни. Сетка метафорических проекций достаточно разветвлена, но наиболее существенные ее концептуальные узлы включают ПРОЦЕСС ЛЕЧЕНИЯ – ЭТО БИТВА, БОЛЬНОЙ – ЭТО ВОИН, ИЗЛЕЧЕНИЕ – ЭТО ПОБЕДА, ОТСУТСТВИЕ ПРОГРЕССА – ЭТО ОТСТУПЛЕНИЕ, СМЕРТЬ – ЭТО ПОРАЖЕНИЕ и т.д. Иллюстрацией могут стать следующие примеры из нашей выборки:

(18) *In AA, I was surrounded by others like me, all of us helping each other fight the battle of recovery* (D. Foster).

(19) *And I personally know self-proclaimed alcoholics who, rather than finding peace, fight a daily battle for sobriety* (A. Grace).

Весьма показательно название книги Дж. МакГоверна, влиятельного американского сенатора, дочь которого страдала алкогольной аддикцией, приведшей в конечном итоге к ее смерти: *Terry: My Daughter's Life-and-Death Struggle with Alcoholism*. Сквозной метафорой всего повествования стала *her lifetime battle with alcoholism*.

Примечателен и пример (20), в котором явственно ощущается жанровая переключка с некрологом, типичным для случаев, когда человек умирает от онкологического заболевания:

(20) *Today would have been my mother's 66th birthday. In June, she lost a 35-year battle with alcoholism* (T. Collins).

Военная метафора пользуется особой популярностью при описании терапевтических сессий в «Анонимных алкоголиках», участники которых предстают как бойцы одного подразделения, прошедшие через сражения и понесшие потери:

(21) *Four pages and 22 questions later, the group takes turns giving feedback on everything they heard. The responses are unique based on personal experiences. They are similar in camaraderie. Platoon soldiers. Stuck in the same foxhole. Fighting the same war* (T. Collins).

(22) *The bonds formed in the early days of recovery are often intense and long-lasting, similar to soldiers who fought in the same war. There is a shared understanding and honesty between the combatants that other people, outside the sacred circle, simply can't understand* (D. Foster).

(23) *All of us broken soldiers trying to pick up the pieces of their shattered lives together* (D. Foster).

Не зная тематическую принадлежность приведенных выше контекстов, их вполне можно было бы принять за классические нарративы тяжелых органических заболеваний.

Следует заметить, однако, что военная метафора в дискурсах алкогольной аддикции может использоваться и самостоятельно, вне связи с ключевой дискурсивной метафорой АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО БОЛЕЗНЬ. Она традиционно пользуется популярностью в прогибиционистской риторике. Одним из ярчайших примеров здесь служит речь британского премьер-министра Д.Л. Джорджа, произнесенная им в 1915 г.: *We are fighting Germany, Austria, and Drink, and as far as I can see, the greatest of these deadly foes is Drink* (цит. по: [22. Р. 241]).

Военная метафора может выполнять прямо противоположную функцию, репрезентируя алкоголь как орудие борьбы с психологическими проблемами. Так, в примере (24) представлен целый военный сценарий, в котором рассказчик описывает свою депрессию как действие невидимых террористов, засевших в его голове, а алкоголь превращается в оружие, позволяющее вести сражение:

(24) *I have given myself free rein to drink with a vengeance while I am in Abu Dhabi, even though I take antidepressants. I need a full arsenal to combat the invisible terrorists in my head—which feel like a far greater threat to my existence than the ISIS rebels in nearby countries* (N.S. Bercaw).

Анализ материала, как и знакомство с теоретическими работами по проблеме, позволяет убедиться в релевантности еще одной метафоры, популярной в дискурсах болезни и весьма востребованной в дискурсах алкоголизма: АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ. Она также обладает свойствами дискурсивной метафоры, фреймируя нарративы аддикции. С ее помощью описывается как возникновение зависимости, так и излечение от нее. Ср.:

(25) *Somehow, we found each other and took the journey together into the realms of self-destruction and addiction* (D. Foster).

(26) *However, I have discovered that most people who are successful at getting sober and staying sober, travel a similar road to recovery* (D. Foster).

Основное концептуальное преимущество этой метафоры заключается в том, что она в наибольшей степени приспособлена для обозначения длительных процессов, причем сам процесс оказывается не менее, а порой и более значим, чем его результат. Ср.:

(27) *And remember, sometimes what you are searching for is in the journey rather than the destination* (A. Grace).

Эта метафора, в отличие, скажем, от военной, не «требует» скорейшего разрешения конфликта; она позволяет «путешественнику» перемещаться с комфортной для него скоростью, «поощряя» медленный прогресс. Ср.:

(28) *getting sober <...> was a series of small steps in the same direction. You say "I'll do this today," and then you say the same thing the next day, and you keep going, one foot in front of the other, until you make it out of the woods* (S. Hepola).

Кроме того, она предоставляет широкие возможности для «концептуального маневра», схватывая сложную, нелинейную динамику процесса: во время путешествия возможны незапланированные остановки, возникновение труднопреодолимых препятствий, долгие объезды, ошибки навигации, аварии и другие события, препятствующие достижению конечного пункта назначения. Ср.:

(29) *I thought about backing out. The mountain in front of me looked so big. So real* (T. Collins).

Метафорический фрейм ПУТЕШЕСТВИЕ позволяет использовать широкий спектр географических образов. Ср.: *that slippery slope of alcohol* (T. Collins); *to return to the land of excess, but also to cross yet another boundary* (T. Collins); *camping out on the road of good intentions* (T. Collins); *strange land of sobriety* (L. McKowen); *a plateau of cleverness* (S. Hepola).

Особенно примечателен в этом отношении пример (30), описывающий промежуточный этап излечения от алкогольной аддикции:

(30) *Not only do you feel better on Day 180 BUT you can look up, look around, see where you've come from AND where you're going. It's like arriving on a hill and having a fantastic clear view ahead* (B. Robertson).

Л.М. Фройлих устанавливает метафорический фрейминг в самом названии своего мемуара – «Дранкалог: Дорога к выздоровлению» – и описывает этапы избавления от алкогольной аддикции как «регионы», в которых ей пришлось побывать:

(31) *I would have to reside in various regions along the way to that better world; The first region was the region of total hopelessness and despair; The second region was a grey little world without any clear rewards; The last region in which I came to live was one of empowerment, where I have found new meaning and purpose for my life* (L.M. Froehlich).

В дранкалогах других авторов подобные метафорические «регионы» могут получать более ёмкие и креативные названия: *languishing in Hangoverland*

(S. Hepola); *hibernate on Smirnoff Island* (T. Collins); *Sobrietyville* (T. Collins). Несмотря на их инновационный характер, они легко дешифруются адресатом, поскольку вписываются в привычную метафорическую канву.

Заметим, что метафора путешествия применима и к самому алкоголю, который интерпретируется как транспортное средство, перемещающее человека в область нездорового пристрастия. Ср.:

(32) *Alcohol is a vehicle, and I didn't care which vehicle I used to travel. When the fancy stuff was gone, I was content to drink boxed white. I didn't let a room-temperature light beer stop me* (B. Robertson).

Вариантом такой интерпретации является наделение алкоголя функцией водителя транспортного средства. В этом случае человеку, страдающему аддикцией, отводится пассивная роль пассажира, который не волен определять маршрут перемещения, его скорость и пункт назначения:

(33) *I had a clear vision of what I could do if alcohol wasn't always in the driver's seat. Determining and demanding the constricted parameters of what could realistically be accomplished* (T. Collins).

Перемещение в кресло водителя означает обретение контроля над ситуацией и возможность метафорического движения в сторону выздоровления:

(34) *So here you are, sitting in your little sober car on the side of the road, ready to begin. You put your hands firmly on 10-and-2, and you have someone sitting beside you, pointing out the big speed bumps and helping to navigate your sober car into the correct lane* (B. Robertson).

Пример (34) интересен и тем, что он вписывает в сценарий путешествия на машине особенности рельефа местности, метафорически коррелирующие с трудностями избавления от зависимости, и наличие попутчика, помогающего проложить правильный маршрут и добраться до места назначения. Последний метафорически соотносится с так называемым «спонсором» – человеком, который в обязательном порядке назначается наставником каждому новообращенному «анонимному алкоголику».

В случае удачного «путешествия» и прибытия в «конечный пункт» полного избавления от зависимости алкоголь остается «далеко позади», попадая лишь «в зеркало заднего вида»:

(35) *Little did I understand that it would be more than a year before I was able to secure any meaningful sobriety, to put alcohol somewhat solidly in my rearview mirror* (A.D. Johnston).

Путь к исцелению долг; он представляет собой «эпическое путешествие» (*epic journey* – D. Foster), требующее терпения и осторожности, учета множества внешних факторов и готовности к переменам. Оно далеко не всегда приятно и бывает особенно тяжелым в начале, но с приобретением «дорожного опыта» способно приносить удовольствие:

(36) *There is a certain amount of concentration that is required in the beginning that will ease off as you go along. Like learning to drive, you start with your senses on high alert and feel some unease because everything is new. Then eventually you are driving along, you have momentum, you can listen to the ra-*

dio. You slow down in bad weather, you put fuel in your sober car, and you keep going no matter what (B. Robertson).

Метафора путешествия может встречаться в нарративах аддикции и в принципиально ином формате, обозначая перемещение не в пространстве, а во времени. Такой вид «путешествия» происходит в том случае, если человек испытывает так называемый *blackout* – свойственный алкоголикам провал в памяти, часто упоминаемый в drankалогах и порой полностью дезориентирующий человека:

(37) *In my early 30s, I used to have brunch with a sardonic guy who actually bragged about his blackouts. He called it “time travel,” which sounded so nifty, like a supernatural power. He wasn’t drinking too many Long Island iced teas; he was punching a hole in the space-time continuum* (S. Nepola).

Еще более экзотической версией путешествия является выход за границы собственного Я. Ср.:

(38) *Without stating so explicitly, that image had to do with the places alcohol can take you. It had to do with transportation, with the very real—and, to alcoholics, enormously seductive—phenomenon of taking psychic flight, ingesting a simple substance and leaving yourself behind* (C. Knapp).

Этот «выход», описываемый в (38) как «психический полет», представляет собой, по сути, обретение новой идентичности. Многие авторы пишут о «трансформирующей» функции алкоголя, о его способности обращать их в некие «улучшенные версии» самих себя, свободные от комплексов, фобий, дурных мыслей и моральных ограничений. К. Нэпп, например, называет алкоголь «инструментом самотрансформации»: ...*a simple tool of self-transformation – a way to relax and feel less inhibited, a way to be more sexual and open and light* (C. Knapp). Она же предлагает ряд уравнений, описывающих трансформационные возможности алкоголя: *Discomfort + Drink = No Discomfort; Fear + Drink = Bravery; Repression + Drink = Openness; Pain + Drink = Self-Obliteration*.

Наконец, метафора путешествия может использоваться и для обозначения генетической предрасположенности к алкоголю: *Alcohol travels through families* (C. Knapp); *I can say that alcohol traveled in my family* (C. Knapp).

Таким образом, метафора путешествия обширно и разнообразно манифестируется в дискурсах алкогольной аддикции. Как и в случае с метафорой болезни, ее популярность во многом объясняется тем, что она целенаправленно вводилась в дискурс, главным образом, активистами программ по излечению от алкогольной зависимости (прежде всего, «Анонимными алкоголиками»). Обретя статус и функции дискурсивной метафоры, она оказала формирующее влияние на коллективное и индивидуальное восприятие алкогольной аддикции и во многом предопределила выбор лингвокогнитивных ресурсов в ее нарративах.

Фреймируя дискурсы алкогольной аддикции, метафора путешествия создает благоприятные условия для лингвокогнитивных экспериментов с глаголами (и производными от них существительными) движения.

Наиболее значимыми характеристиками движения, релевантными для осмысления опыта аддикции, оказываются направление, траектория и скорость.

Направление становится салиентным признаком при описании процесса формирования аддикции и излечения от нее. В этом случае движение осуществляется преимущественно по вертикальной оси, где низ ассоциируется с состоянием зависимости, а верх – с трезвым образом жизни. Очевидно, это объясняется особенностями ориентационной метафоры в целом (ВЕРХ – ЭТО ХОРОШО / НИЗ – ЭТО ПЛОХО) и связанной с ней ментальной привычкой ассоциировать алкоголизм с моральным падением.

Признак «направление движения» может быть заложен в самом глаголе или производном от него существительном (*sink, dive, fall, descend / descent, climb, etc.*) либо передаваться сателлитом (*down, up*) [23]. Ср.:

(39) *My descent to rock bottom took years, and I'm grateful to have survived. But the day I went to my first meeting was only the beginning. I had a long way to go to climb out of the deep hole of addiction, which had left me spiritually and psychologically wounded* (D. Foster).

(40) *It was the true constant in my life, and I was now deep into an unhealthy relationship with alcohol and totally unaware I was heading down a dark and dangerous rabbit hole* (S. Chapple).

Особая изобретательность наблюдается при описании нисходящего движения, характер которого может уточняться с помощью дескрипторов, ср.: *a lifelong kamikaze dive* (L. Jamison).

Заметим, что одним из ключевых образов в дискурсах алкогольной аддикции является лифт, движущийся вниз, – архетипический образец идеально точного вертикального перемещения:

(41) *If alcohol is an elevator that only goes down, the goal is to step off, not to ride down any more. Stop drinking now. Start feeling better now* (B. Robertson).

Вектор движения может дополняться признаком траектории, позволяющим подчеркнуть нелинейный характер формирования аддикции и излечения от нее. Ср.:

(42) *My own descent had the feel of a swan dive, a long, slow curving arc, the outlines of which I was able to see only in retrospect* (C. Knapp).

В наиболее компактной форме комбинация признаков «направление» и «траектория» содержится в метафоре *downward spiral*, являющейся одной из наиболее распространенных в англоязычных дискурсах алкогольной аддикции. То же нелинейное спиралеобразное движение может обозначаться и предикатом *spin*:

(43) *I began to spin downward at an accelerated rate of speed* (D. Foster).

Признак «скорость» манифестируется достаточно разнообразно, при этом общая тенденция в употреблении соответствующих лексических единиц отвечает официально рекомендуемым стратегиям выхода из алкогольной зависимости: не рассчитывать на быстрый результат, действовать медленно и поэтапно, перемещаясь «маленькими шажками». Ср.:

(44) <...> *getting sober wasn't some giant leap into sunlight. It was a series of small steps in the same direction* (S. Hepola).

(45) *I've spent the last decade inching closer to this day* (T. Collins).

Низкая скорость перемещения особенно интересно представлена в дранкалоге Т. Коллинз, которая использует метафору спотыкающегося шага (*stumble*), вынося ее в заглавие и делая ее, таким образом, концептуальным стержнем собственного повествования: *Stumbling Into Sobriety: And the Things I Learned on the Way Back Up*. Предикат *stumble* заслуживает особого внимания, поскольку обозначает движение, осуществляемое с нарушением кинетической нормы [24. С. 8], и отражает не только скорость перемещения, но и его характер. Ср.:

(46) *Stumbling. An unsteady walk. A misstep. When the right leg gives out, the left snaps to attention, pushing forward in an attempt to steady the whole body. Then the right jumps back in, follows through, and so on and so on until we are stable again* (T. Collins).

Обратим внимание еще на одно описание, уникальность которого заключается в том, что в фокусе оказываются не физические параметры движения (направление, траектория, скорость и т.д.), а те субъективные ощущения, которые с ним связаны. Экспериментальный характер устанавливаемой концептуальной проекции вынудил автора эксплицитно маркировать свое описание как аналогию, что позволяет охарактеризовать его как преднамеренную метафору:

(47) *There are a lot of similarities between running and being sober. On long runs, I often feel like a bag of shit for the first half, and I have now learned that that's normal for me. I know to keep going through the crappy part, and then I feel better. I have learned (the hard way) to never quit during the first part, just wait, it improves—and it always does. If I stop and have to start again, I beat myself up; it's easier to keep going* (B. Robertson).

При всем разнообразии описанных выше метафор реальный метафорический ландшафт алкогольной аддикции отнюдь не ограничивается ими, заключая в себе множество других концептуальных форм в разных словесных репрезентациях.

В нем широко и разнообразно представлена метафора АЛКОГОЛЬНАЯ АДДИКЦИЯ – ЭТО ПАРТНЕРСТВО. В ее основе лежит общая тенденция к персонификации алкоголя, свойственная людям, страдающим зависимостью. Алкоголь, как отмечает Б. Дж. Корер, начинает восприниматься как своего рода «значимый другой» (*significant other*) [25. Р. 1]. Этот «другой» описывается в дранкалогах либо как любовник, либо как друг.

Сценарий любовных отношений пронизан высокой романтикой. Так, первый опыт потребления алкогольных напитков сравнивается с первым поцелуем – самым волнующим моментом в развитии отношений:

(48) *I suppose we always remember the first time we got drunk, like the first kiss* (P.L. Brooks).

Алкоголь становится объектом страстного желания, поклонения и сексуального влечения, подавляя все другие чувства:

(49) *I sexualized alcohol, romanticized it, desiring it with deep longing* (D. Foster).

(50) *It's about passion, sensual pleasure, deep pulls, lust, fears, yearning hungers. It's about needs so strong they're crippling* (C. Knapp).

Примечательно, что в женских drankalogs ему часто приписывается подчеркнутая маскулинность; он представлен во множестве архетипических образов неотразимых красавцев. Ср.:

(51) *At first, alcohol is that elegant figure standing in the corner by the bar, the handsome one in the beautiful black tuxedo. Or maybe he's in black leather and jeans. It doesn't matter. You can't miss him* (A.D. Johnston).

Первая романтическая влюбленность постепенно перерастает в крепкое и глубокое чувство: *I think my relationship with alcohol began to deepen and shift around that time, my college years* (C. Knapp); *...a deeply passionate, profoundly complex, twenty-year relationship with alcohol* (C. Knapp). Аддикция – это неизменно долговременный и на удивление прочный союз, в котором партнеру многое прощается:

(52) *It reminded me of what people said about the most difficult partners at law firms: "He may be an asshole, but he's our asshole." Addiction was my asshole and the devil I knew. After ten years of drinking like a full-blown drunk, I couldn't imagine life without it* (L. Smith. Girl Walks Out of a Bar).

Регулярное употребление алкоголя, бытовое пьянство часто описывается как совместное проживание с партнером, *cohabitation* (T. Collins):

(53) *Suddenly, you realize booze has moved in. He's in your kitchen. He's in your bedroom* (A.D. Johnston).

Со временем оно становится в тягость, и человек начинает осознавать нездоровый характер этих отношений – то, что обозначается сейчас модным словом «токсичность»:

(54) *In fact, he wants it all: room and board, all your money, your assets, your family—plus a lot of love on the side. Unconditional love* (A.D. Johnston);

(55) *It felt like a toxic relationship had come to an end, one that should have finished years ago* (S. Chapple);

(56) *Alcohol <...> is more like a toxic ex-boyfriend who says "It'll be different this time, I promise."* (B. Robertson).

У человека открываются глаза, он начинает замечать очевидные недостатки своего партнера:

(57) *Alcohol is not my true love. It is a liar. It is an abuser. And it is a cheater* (T. Collins).

Процесс избавления от аддикции массово метафоризируется как тяжелый, болезненный развод:

(58) *But I couldn't stop thinking about alcohol, no matter what! It was like going through a long, painful divorce; even though I knew the marriage had to end, I still had deep feelings for a wife who wanted to kill me* (D. Foster).

Этот процесс часто сопровождается ощущением невосполнимой утраты, тяжелой жертвы, а иногда – и предательства по отношению к «партнеру», который на протяжении долгих лет давал ощущение комфорта и стабильности:

(59) *I would sacrifice the greatest, most important relationship of my existence – here I am, universe, sinking a knife into my true love’s chest for you* (S. Hepola).

Трудности процесса выздоровления, ностальгия по алкоголю описываются как скорбь по потерянному возлюбленному:

(60) *That’s where I am with my lover, Alcohol. We are through. And I know it. And I am deep in the mourning process* (T. Collins).

Во избежание срывов человек старается избегать ситуаций, в которых он не сможет устоять перед соблазном выпить, и эта поведенческая стратегия метафорически описывается как опасность неприятной встречи с бывшим возлюбленным:

(61) *avoiding alcohol the way you’d avoid running into an ex-lover at a restaurant, steering clear of places I might see liquor, people I might see it with* (C. Knapp).

Этот сценарий очень кратко, в предельно сжатой форме представлен в примере (62):

(62) *It happened this way: I fell in love and then, because the love was ruining everything I cared about, I had to fall out* (C. Knapp).

Отметим некоторую непривычность конструкции *had to fall out of love*, которая представляет утрату романтического чувства как вынужденное действие, осуществляемое целенаправленно, благодаря определенному волевому усилию.

В этом корпусе метафор, формирующих центральную зону метафорического ландшафта алкогольной аддикции, встречаются необычные и оригинальные образы. Один из них представлен в примере (63), где в рамках общей метафоры романтических отношений употребление нескольких разных алкогольных напитков осмысливается как полигамия:

(63) *Alcohol is often a multiple partner: you have your true love, which is the drink you’re drawn to most often and most reliably, and then you have secondary loves, past loves, acquaintances, even (but not often) an enemy or two* (C. Knapp).

Любопытен и пример (64), где воздействие разных алкогольных напитков описывается как разные типы сексуального поведения:

(64) *I liked the butterfly kisses of a light lager, which whisked me off into a carefully modulated oblivion, and bourbon was like being bent over a couch 20 minutes into your date* (S. Hepola).

Наконец, в примере (65) содержится интересное метафорическое противопоставление алкогольной зависимости и трезвости. Оно репрезентируется на вербальном уровне оппозицией *dating vs marriage*, где профилируется темпоральный аспект отношений и брак, в отличие от романтических свиданий, представлен как постоянный и незыблемый союз:

(65) *“The difference is I dated alcohol. I’m married to sobriety. People in a healthy marriage don’t wake up and ask themselves, ‘Let me think. Do I want to be married today?’ They get up another day and tend that beautiful garden to reap the benefits. This is how I treat sobriety. I water it. Feed it nutrients. Avoid situations I know to be temptation.”* (T. Collins).

Напомним, что алкогольная зависимость может метафорически осмысляться и как дружба. В этом случае в центре внимания будет «надежность» алкоголя как средства решения психологических проблем, его «готовность» постоянно присутствовать рядом и оказывать необходимую поддержку:

(66) *It [liquor] sits there on its refrigerator shelves or on the counter or in the cabinet like a real person, as present and reliable as a best friend* (C. Knapp).

(67) *Unless I was physically unable to lay my hands on my wine, I would drink. It was always there for me, like a faithful friend, never leaving my side* (S. Chapple).

Осознание патологического характера своего увлечения алкоголем в этом случае предстает как «предательство» друга, его лицемерие:

(68) *If you learn to drink excessively and the hard way, just as I did, you eventually learn alcohol is a cozy soothing friend... who turns on you. Eventually, you will no longer count on this friend, who becomes downright ugly* (P.L. Brooks).

(69) *I'm starting to be able to see alcohol for the false friend that it was, one of these toxic friends that you're better off without* (B. Robertson).

К домену ПАРТНЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ можно отнести и метафору союзничества, с помощью которой описывается как сам алкоголь, так и процесс его употребления. Вновь алкоголь репрезентируется как нечто, помогающее решить внутренние проблемы и достичь желаемого состояния:

(70) *When I was with men I loved, drinking felt like the most natural ally, the most reliable route to a kind of internal softening* (C. Knapp).

(71) *In ways, I acknowledged that my little stockpile of booze was an ally, just as Styron described it: a defense against my own subconscious, against the demons that threatened to swim up from wherever they hid inside* (C. Knapp).

Наконец, алкоголь может представлять в метафорическом облиции партнера по танцам, а алкоголизм – танцевальной площадки:

(72) *I am consistently amazed to hear women talk about their multiple relationships with addictions, the way they combine two or three, the way they shift from one to another, so naturally and gracefully you might think they were changing partners in a dance* (C. Knapp).

(73) *Alcoholics and addicts may inhabit the center of the dance floor, but countless others, men and women, stand at the fringes, placing one toe over the line from time to time, then drawing it back to safety* (C. Knapp).

В метафорическом ландшафте алкогольной аддикции представлен внушительный блок «водных» образов, концептуальная и коммуникативная эффективность которых объясняется особенностями самого употребляемого вещества, которое представляет собой жидкость. Человек, страдающий зависимостью, описывается как «погружающийся» в алкоголь, «тонущий» в нем либо «топящий» в нем свои проблемы: *drowning in addiction and despair* (D. Foster); *desperately trying to drown sorrow and resentment in a river of booze* (D. Foster). Алкоголик может описываться и как «пловец». В этом случае он предстает как человек, осознающий происходящее и от-

части ответственный за него, поскольку плавание представляет собой активный, деятельный и целенаправленно осуществляемый процесс:

(74) *Cleaving my life in two—before and after—did not mean I had lost my desire to swim in alcoholic waters. And, in early sobriety, I could still see the liquor lapping at my feet, beseeching me to take one last dip* (S.Z. Scoblic).

Масштабность бедствия подчеркивается обширностью метафорического водного массива:

(75) *When I decided to start drinking again at 27, nothing could have convinced me to stay. No persuasive case could have been launched to keep me out of the churning ocean once I decided to swim in it again* (S. Hepola).

Несколько необычный подход предложен в примере (76), где алкоголизм представлен как пространство внутри человека, которое необходимо заполнить водой. Примечательно и само название drankалога, в котором задан общий метафорический фрейминг всему повествованию (Dryland: One Woman's Swim to Sobriety):

(76) *And what I want these days is alcohol, lots of it, to fill some sort of bottomless swimming pool inside of me* (N. S. Bercaw).

Примечательно, что вода может служить и источником метафорической проекции на область трезвости: *navigate the treacherous waters of sobriety* (D. Foster). Такое единое пространство образов способно передавать континуальность опыта аддикции, объединяя ее приобретение и избавление от нее в единое концептуальное поле.

Даже когда речь идет о функциях алкоголя, способах его воздействия на человека, во многих drankалогах делается упор на его «жидкостный» характер. Ср. *six or eight ounces of liquid relief* (C. Knapp); *Booze: the liquid security blanket* (C. Knapp); *liquid logic* (C. Knapp); *liquid courage* (D. Foster; L.M. Froehlich; P.L. Brooks), *liquid alchemy* (P. Hamill).

Будучи жидкостью, алкоголь способен «пропитывать» не только жизнь отдельного человека (*a hazy past drenched in booze* – S.Z. Scoblic; *alcohol-soaked time* – C. Knapp), но и целую культуру (*our alcohol-saturated culture* – A. Grace). Заметим, что практически во всех drankалогах отмечается роль алкоголя как своего рода культурного символа. Он является необходимым компонентом социализации, неотъемлемым атрибутом хорошего досуга, важнейшим средством достижения комфорта – состояния, рассматриваемого как единственно приемлемое для человека в современной консьюмеристской культуре (см., например, C. Knapp).

«Водным» является и образ волны, которая «накрывает» алкоголика:

(77) *Sometimes I went too far, because the beer was like a wave I wanted to keep crashing into* (S. Hepola).

К группе «водных» метафор примыкает и интересный образ *floating on the booze barge* (S. Hepola). Здесь, правда, водным массивом является вся человеческая жизнь, а алкогольная аддикция представлена лишь как способ перемещения по этому пространству.

Периферийную зону метафорического ландшафта алкогольной аддикции формируют менее популярные и единичные, индивидуально-авторские метафоры.

Среди них метафора АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО ЗАПАДНЯ:

(78) *alcohol was only dulling my senses and keeping me trapped rather than adding to my life* (A. Grace).

Вопреки ожиданиям, она оказалась не особо востребованной, несмотря на ее очевидные концептуальные достоинства: легкость попадания в западню, непреднамеренный характер этого процесса, лишение свободы действий, длительность заточения, сложность выхода из нее и т.д. Возможно, непопулярность этой метафоры в современных нарративах объясняется ее избитостью, банальностью.

Идея заточения и ограничения свободы реализуется и в метафоре АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО ТЮРЕМНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

(79) *Millions of us once felt just like you, imprisoned by an addiction that some of us didn't realize we had* (D. Foster).

Единично представлена некогда популярная метафора АЛКОГОЛИЗМ – ЭТО РАБСТВО:

(80) *In that way, sobriety is about freeing yourself from any behavior, relationship, or way of thinking that enslaves you and keeps you from being present to life* (L. McKowen).

Заметим, что сам общеупотребительный термин «аддикция», официально введенный в научный обиход в 1906 г. [26], исторически восходит к идее самопорабощения. В латыни термином *addict* обозначается раб или должник, кто-то, кто формально передан другому или имеет перед ним обязательства, часто связанные с выплатой денег [27. Р. 6]. В настоящее время метафора порабощения утратила концептуальную привлекательность и коммуникативный потенциал.

Единичны и случаи демонизации и зооморфизации алкоголизма, каждый из которых представлен лишь в одном drankалоге.

(81) *Terry was dealt a doubly cruel hand: the companion demons depression and alcoholism* (G. McGovern).

Зооморфная метафора является ключевой для Б. Робертсон, которая представляет алкоголь и алкоголизм как большого волка с черными глазами – образ, очевидно, навеянный сказкой о Красной Шапочке:

(82) *If you can picture booze like a Big Wolf With Black Eyes, he represents the voice in your head. Now you have to very calmly starve the wolf. Or better yet, you have to dehydrate him by not giving him anything to drink* (B. Robertson).

Общая тенденция к олицетворению алкоголя, о которой мы писали выше, способствует появлению в дискурсивном пространстве аддикции широкого спектра девербативов, описывающих способность алкоголя оказывать определенное воздействие на человека. Он предстает как обманщик (*trickster* – A.D. Johnston), разоблачитель (*the Great Revealer* – S. Hepola), освободитель (*an emancipator* – S. Hepola) и даже похититель тел (популярный мотив в фильмах ужасов) (*a body snatcher* – M. Grimes).

За пределами девербативной группы, но в границах общей стратегии к олицетворению обнаруживаются образы уличного торговца-мошенника (*one hell of a pitchman* – S. Hepola), вора (*a thief in the night* – G. McGovern), а также весьма оригинальный образ алкоголя как ростовщика, наживающегося на доверчивости людей:

(83) *Hang out in the brightly lit rooms of AA, or in coffee shops, talking to dozens of women who have given up drinking, and this is the conclusion you come to: for most, booze is a loan shark, someone they trusted for a while, came to count on, before it turned ugly* (A.D. Johnston).

К малочастотным относится фитоморфная метафора, которая представляет аддикцию как растение, произрастающее на плодородной почве человеческих слабостей:

(84) *Addiction is like a dark and gnarled tree that grows from the seed of fear* (D. Foster).

<...> *When addiction lives in you, it sprouts many vines* (S. Hepola).

Единичной оказалась орудийная метафора, описывающая деструктивный потенциал алкоголя:

(85) *Booze is a blunt instrument. It's like a hammer. Banging on our head Anaesthetizing* (B. Robertson).

В нашем корпусе примеров обнаружился лишь один мифологический образ (86), что несколько противоречит теоретическим выкладкам Дж. Сандоза [1] о продуктивности метафор такого типа. Заметим, правда, что Сандоз описывает дискурсы терапевтов, а не их пациентов:

(86) *Denial can make your drinking feel as elusive and changeable as the Hydra, many headed, capable of altering form in the blink of an eye. Every time an active alcoholic looks at his or her drinking, it's shifted into something else, something that makes it seem acceptable* (C. Knapp).

Столь же уникален и пример (87), в котором отказ от употребления алкоголя концептуализируется как «ампутация», отсечение части собственного тела. Алкоголь здесь предстает не просто как атрибут или часть образа жизни, а как органическая часть самого человека.

(87) *It was the first time since I'd known him, the first time ever, that we'd passed an evening together without a drink and I felt exactly like Michael Keaton in Clean and Sober, anxious and restless and disoriented, as though I was trying to adjust to an amputation* (C. Knapp).

Легко заметить, что в произведении одного и того же автора могут использоваться метафоры совершенно разного генеза (ср. примеры 1, 4, 8–11, 38, 42, 50, 61, 66, 70, 72, 86, 87). Иногда они совмещаются в пределах одного компактного контекста:

(88) *Alcohol became my liquid courage, my confidence, as well as my consoling partner* (L. Brooks).

Такой концептуальный разнобой свидетельствует об отсутствии единого стандарта в осмыслении аддикции, о приемлемости множественных интерпретаций и возможности лингвокогнитивного экспериментирования.

Переходя к выводам, можно отметить, что метафорический ландшафт алкогольной аддикции представляет собой весьма сложное, разнородное, подвижное и исторически изменчивое образование, формирующееся под воздействием множества социокультурных факторов и являющееся объектом разнообразных дискурсивных манипуляций. Центральную его зону составляют метафоры, которые сознательно конструируются и вбрасываются в дискурсы для формирования и продвижения определенного типа восприятия алкогольной аддикции. Старые метафоры, теряя концептуальную и коммуникативную ценность, тем не менее сохраняются в метафорическом ландшафте аддикции, отходя на его периферию и оставаясь понятными носителям соответствующей лингвокультуры. В ландшафте присутствуют идиосинкретические метафоры, фиксирующие индивидуальный опыт переживания аддикции. Вследствие открытости современного информационного пространства и широкого циркулирования нарративов аддикции эти метафоры могут заимствоваться другими членами дискурсивного сообщества, укрепляя свои позиции в метафорическом ландшафте и перемещаясь к его центру.

Перспективу дальнейшего исследования может составить следующий круг проблем: 1) более дробное структурирование алкогольной аддикции как вида субъективного опыта и точечное изучение метафор, используемых для осмысления отдельных его компонентов (возникновение аддикции, развитие аддикции, процесс осознания проблемы, выздоровление и т.д.); 2) изучение метафорического ландшафта аддикции на материале других типов нарратива (художественная проза, научная литература, устные интервью и т.д.); 3) сравнительно-сопоставительное изучение метафорики разных видов аддикций; 4) сравнительно-сопоставительное изучение метафорических ландшафтов алкогольной аддикции в разных лингвокультурах.

По мнению С.М. Зигер, читать об аддикциях – это «косвенно, через посредника флиртовать» (*vicarious flirtation*) [27. Р. 16] с физической опасностью, самоуничтожением и смертью, не подвергая себя при этом никакому риску. Мы надеемся, что в данном случае этот «дискурсивный флирт» способствовал получению теоретически значимого и практически ценного научного продукта.

Источники примеров

Bercaw N.S. Dryland: One woman's swim to sobriety. New York : Grand Harbor Press, 2017. 258 p.

Brooks P.L. Sick as my secrets: A memoir. Scottsdale : Brooks Goldmann Publishing, 2018. 326 p.

Chapple S. The sober survival guide: How to free yourself from alcohol forever – quit alcohol & start living! Toronto : Elevator Digital Ltd, 2019. 178 p.

Collins T. Stumbling into sobriety: And the things I learned on the way back up. Jacksonville : KENMAR Media, 2018. 262 p.

Foster D. Polluted! My sober journey: Alcohol, addiction and the 7 stages to getting clean. 2020. London : TSJ Publishing. 158 p.

Froehlich L.M. Drunkalogue: The road to recovery. Scots Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 274 p.

Grace A. This naked mind: The myth-busting cult hit for anyone who wants to cut down their alcohol consumption. New York : Avery, 2018. 272 p.

Grimes M., Grimes K. Double double: A dual memoir of alcoholism. New York : Scribner, 2016. 256 p.

Hamill P. A Drinking life: A memoir. New York : Back Bay Books, 1995. 265 p.

Hepola S. Blackout: Remembering the things I drank to forget. London : Two Roads, 2015. 232 p.

Jamison L. The Recovering: Intoxication and its aftermath. New York : Back Bay Books, 2019. 544 p.

Johnston A.D. Drink: The intimate relationship between women and alcohol. New York : Harper Wave, 2014. 230 p.

Knapp C. Drinking: A love story. New York : Dial Press Trade, 1997. 304 p.

McGovern G. Terry: My daughter's life-and-death struggle with alcoholism. New York : Plume, 1997. 224 p.

McKowen L. We are the luckiest: The surprising magic of a sober life. Novato : New World Library, 2020. 248 p.

Porter W. Alcohol explained. Scots Valley : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. 271 p.

Robertson B. Tired of thinking about drinking: Take my 100-day sober challenge. Saint John : Tower Road Press, 2019. 151 p.

Scoblic S. Z. Unwasted: My lush sobriety. New York : Citadel Press, 2011. 161 p.

Список источников

1. *Sandoz J.* Alcoholic Iliad / Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy. USA : Brown Walker Press, 2009. 228 p.

2. *O'Halloran S.* Talking oneself sober: The discourse of Alcoholics Anonymous. New York : Cambria Press, 2008. 304 p.

3. *Peele S.* Visions of addiction: Major contemporary perspectives on addiction and alcoholism. New York : Lexington Books, 1998. 244 p.

4. *Steen G.J.* Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory // J. of pragmatics. 2015. Vol. 90. P. 67–72.

5. *Zinken J.* Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies // Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 18, Is. 3. P. 445–466. doi: <https://doi.org/10.1515/COG.2007.024>

6. *Hellsten I.* Dolly: Scientific breakthrough or Frankenstein's monster? Journalistic and scientific metaphors of cloning // Metaphor and Symbol. 2000. Vol. 15, Is. 4. P. 213–221.

7. *Brennan S.E., Clark H.H.* Conceptual pacts and lexical choice in conversation // Journal of experimental psychology. Learning, memory, and cognition. 1996. Vol. 22, Is. 6. P. 1482–1493. doi: [10.1037//0278-7393.22.6.1482](https://doi.org/10.1037//0278-7393.22.6.1482)

8. *Zinken J., Hellsten I., Nerlich B.* Discourse metaphors. URL: https://www.researchgate.net/publication/288909625_Discourse_metaphors.

9. *Gusfield J.R.* Contested meanings: The construction of alcohol problems. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. 384 p.

10. Expanding Addiction: Critical essays / eds. by R. Granfield, C. Reinarman. New York : Routledge, 2014. 346 p.

11. *Jellinek E.M.* The disease concept of alcoholism. Eastford : Martino Fine Books, 2010. 258 p.

12. *Rosenberg C.* Disease in history: Frames and framers // The Milbank Quarterly. 1989. Vol. 67. Supplement 1. Framing Disease: The Creation and Negotiation of Explanatory Schemes. P. 1–15.

13. *Kurtz L.F.* Recovery groups: A guide to creating, leading, and working with groups for addictions and mental health conditions. Oxford : Oxford University Press, 2014. 224 p.

14. Van Wormer K., Davis D.R. Addiction treatment. Boston : Cengage Learning, 2017. 696 p.
15. Lawley J., Tompkins P. Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling. London : Crown House Pub Ltd, 2000. 336 p.
16. Lawley J., Tompkins P. Symbolic modelling: Emergent change through metaphor and clean language // Innovations in NLP: Innovations for Challenging Times. URL: https://www.researchgate.net/publication/279541687_Symbolic_Modelling_Emergent_Change_though_Metaphor_and_Clean_Language
17. Gornick V. A memoirist defends her words. URL: http://www.salon.com/2003/08/12/memoir_writing/
18. Sutherland J. Drunks' tall tales never quench our thirst; and incidentally. URL: <https://www.questia.com/newspaper/1G1-157128292/drunks-tall-tales-never-quench-our-thirst-and-incidentally>
19. Harding J.R. Similes, puns and counterfactuals in literary narrative: Visible figures. New York : Routledge, 2017. 182 p.
20. Danesi M. Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension // Georgetown University round table on languages and linguistics. Washington D.C. : Georgetown University Press, 1992. P. 125–136.
21. Пинкер С. Субстанция мышления. Язык как окно в человеческую природу. М. : Либроком, 2013. 560 с.
22. Philips R. Alcohol: A history. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2014. 384 p.
23. Cardini F.-E. Manner of motion saliency: An inquiry into Italian // Cognitive Linguistics. 2008. № 19, Is. 4. P. 533–569.
24. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 460 с.
25. Korer B.J. Adding addiction: "Written by the Addict, for the Addict". Aurora : WaveCloud Corporation, 2016. 196 p.
26. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/addiction>
27. Zieger S.M. Inventing the addict: Drugs, race, and sexuality in nineteenth-century British and American literature. Amherst : University of Massachusetts Press, 2008. 320 p.

Sources

- Bercaw, N.S. (2017) *Dryland: One woman's swim to sobriety*. New York: Grand Harbor Press.
- Brooks, P.L. (2018) *Sick as my secrets: A memoir*. Scottsdale: Brooks Goldmann Publishing.
- Chapple, S. (2019) *The sober survival guide: How to free yourself from alcohol forever – quit alcohol & start living!* Toronto: Elevator Digital Ltd.
- Collins, T. (2018) *Stumbling into sobriety: And the things I learned on the way back up*. Jacksonville: KENMAR Media.
- Foster, D. (2020) *Polluted! My sober journey: Alcohol, addiction and the 7 stages to getting clean*. 2020. London: TSJ Publishing.
- Froehlich, L.M. (2015) *Drunkalogue: The road to recovery*. Scots Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Grace, A. (2018) *This naked mind: The myth-busting cult hit for anyone who wants to cut down their alcohol consumption*. New York: Avery.
- Grimes, M. & Grimes, K. (2016) *Double double: A dual memoir of alcoholism*. New York: Scribner.
- Hamill, P. (1995) *A Drinking life: A memoir*. New York: Back Bay Books.
- Hepola, S. (2015) *Blackout: Remembering the things I drank to forget*. London: Two Roads.

- Jamison, L. (2019) *The Recovering: Intoxication and its aftermath*. New York: Back Bay Books.
- Johnston, A.D. (2014) *Drink: The intimate relationship between women and alcohol*. New York: Harper Wave.
- Knapp, C. (1997) *Drinking: A love story*. New York: Dial Press Trade.
- McGovern, G. (1997) *Terry: My daughter's life-and-death struggle with alcoholism*. New York: Plume.
- McKowen, L. (2020) *We are the luckiest: The surprising magic of a sober life*. Novato: New World Library.
- Porter, W. (2015) *Alcohol explained*. Scots Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Robertson, B. (2019) *Tired of thinking about drinking: Take my 100-day sober challenge*. Saint John: Tower Road Press.
- Scoblic, S.Z. (2011) *Unwasted: My lush sobriety*. New York: Citadel Press.

References

1. Sandoz, J. (2009) *Alcoholic Iliad/Recovery Odyssey: Utilizing myth as addiction metaphors in family therapy*. USA: Brown Walker Press.
2. O'Halloran, S. (2008) *Talking oneself sober: The discourse of Alcoholics Anonymous*. New York: Cambria Press.
3. Peele, S. (1998) *Visions of addiction: Major contemporary perspectives on addiction and alcoholism*. New York: Lexington Books.
4. Steen, G.J. (2015) Developing, testing and interpreting deliberate metaphor theory. *J. of Pragmatics*. 90. pp. 67–72.
5. Zinken, J. (2007) Discourse metaphors: The link between figurative language and habitual analogies. *Cognitive Linguistics*. 18 (3). pp. 445–466. DOI: <https://doi.org/10.1515/COG.2007.024>
6. Hellsten, I. (2000) Dolly: Scientific breakthrough or Frankenstein's monster? Journalistic and scientific metaphors of cloning. *Metaphor and Symbol*. 15 (4). pp. 213–221.
7. Brennan, S.E. & Clark, H.H. (1996) Conceptual pacts and lexical choice in conversation. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 22 (6). pp. 1482–1493. DOI: 10.1037//0278-7393.22.6.1482
8. Zinken, J., Hellsten, I. & Nerlich, B. (2008) *Discourse metaphors*. [Online] Available from: https://www.research-gate.net/publication/288909625_Discourse_metaphors
9. Gusfield, J.R. (1996) *Contested meanings: The construction of alcohol problems*. Madison: University of Wisconsin Press.
10. Granfield, R. & Reinarman, C. (eds) (2014) *Expanding Addiction: Critical essays*. New York: Routledge.
11. Jellinek, E.M. (2010) *The disease concept of alcoholism*. Eastford: Martino Fine Books.
12. Rosenberg, C. (1989) Disease in history: Frames and framers. *The Milbank Quarterly*. 67. Supplement 1. pp. 1–15.
13. Kurtz, L.F. (2014) *Recovery groups: A guide to creating, leading, and working with groups for addictions and mental health conditions*. Oxford: Oxford University Press.
14. Van Wormer, K. & Davis, D.R. (2017) *Addiction treatment*. Boston: Cengage Learning.
15. Lawley, J. & Tompkins, P. (2000) *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London: Crown House Pub Ltd.
16. Lawley, J. & Tompkins, P. (2011) *Symbolic modelling: Emergent change through metaphor and clean language*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/279541687_Symbolic_Modelling_Emergent_Change_though_Metaphor_and_Clean_Language

17. Gornick, V. (2003) *A memoirist defends her words*. [Online] Available from: http://www.salon.com/2003/08/12/memoir_writing/
18. Sutherland, J. (n.d.) *Drunks' tall tales never quench our thirst; and incidentally*. [Online] Available from: <https://www.questia.com/newspaper/1G1-157128292/drunks-tall-tes-never-quench-our-thirst-and-incidentally>
19. Harding, J.R. (2017) *Similes, puns and counterfactuals in literary narrative: Visible figures*. New York: Routledge.
20. Danesi, M. (1992) Metaphorical competence in second language acquisition and second language teaching: The neglected dimension. In: *Georgetown University round table on languages and linguistics*. Washington D.C.: Georgetown University Press. pp. 125–136.
21. Pinker, S. (2013) *The Stuff of Thought: Language as a Window Into Human Nature*. Moscow: Librokom. (In Russian).
22. Philips, R. (2014) *Alcohol: A history*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
23. Cardini, F.-E. (2008) Manner of motion saliency: An inquiry into Italian. *Cognitive Linguistics*. 19 (4). pp. 533–569.
24. Nagornaya, A.V. (2015) *Verbal'naya reprezentatsiya interoseptivnykh oshchushcheniy v sovremennom angliyskom yazyke* [Verbal representation of interoceptive sensations in modern English]. Philology Dr. Diss. Moscow.
25. Korner, B.J. (2016) *Adding addiction: "Written by the Addict, for the Addict"*. Aurora: WaveCloud Corporation.
26. *Online Etymology Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.etymonline.com/word/addiction>
27. Zieger, S.M. (2008) *Inventing the addict: Drugs, race, and sexuality in nineteenth-century British and American literature*. Amherst: University of Massachusetts Press.

Информация об авторе:

Нагорная А.В. – д-р филол. наук, профессор Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: anagornaya@hse.ru, alnag@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Nagornaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anagornaya@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.07.2020;
одобрена после рецензирования 23.01.2022; принята к публикации 09.04.2022.

The article was submitted 25.07.2020;
approved after reviewing 23.01.2022; accepted for publication 09.04.2022